

В. Патцельт*

ПЕРЕЖИВАЕТ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА КРИЗИС?¹

Аннотация. На первый взгляд, с нынешней политической наукой все в порядке. Если посмотреть на нее с самых начал возникновения в Афинах, она развивалась особенно успешно во времена политических кризисов, поскольку интеллектуально стимулировалась падением режимов, геополитической перестройкой и повышением международной напряженности. Более пристальный взгляд выявляет тревожащие признаки «нормальной» политологии. Они включают привлекательность рутинных исследований вместо обращения к острым политическим проблемам, попытки «угодить публике» вместо критического отношения к устоявшимся образцам мышления и поведения, удобное ограничение исследований лишь текущими проблемами вместо извлечения уроков из всего богатства исторического развития, использование «западного этноцентризма» вместо «аналитического космополитизма». Статья подвергает критике эти стороны профессии и приглашает новые поколения политологов к проблемной и теоретической открытости.

Ключевые слова: политика; политическая наука; теория; методология.

W. Patzelt

Is political science in crisis?

Abstract. At first sight, political science seems to be on a good way in most countries. If this discipline, as a look at its beginnings in Athens may suggest, will

---

* **Патцельт Вернер**, профессор Института политических наук Технического университета Дрездена (Германия), e-mail: werner.patzelt@tu-dresden.de.

Patzelt Werner, Institute of Political Social Sciences, TU Dresden (Germany), e-mail: werner.patzelt@tu-dresden.de.

¹ Статья написана специально для журнала «Политическая наука». Перевод с немецкого выполнили Шулика Юлия Евгеньевна (НИУ ВШЭ), Камоликова Валерия Романовна (НИУ ВШЭ) и Авдонин Владимир Сергеевич (ИНИОН РАН).

flourish particularly well in times of political crises, then political science should be intellectually well fed in our period of regime collapse, geopolitical restructuration, and growing international tensions. At second sight, however, some disturbing features of «normal political science» become evident. They include the attractiveness of doing academic «routine science» instead of coping with actual practical problems; attempts at «pleasing the public» instead of taking a critical stance towards established political thought and behavior; comfortable limitation of research interests to contemporary issues instead of attempts at drawing lessons from the whole span of history; and practicing «occidental ethnocentrism» instead of striving at «analytic cosmopolitanism». The article challenges these characteristics of today's political science, thereby inviting a new generation of political scientists to new thematic and theoretical openness.

Keywords: political science; scientism; ethnocentrism; lessons from history; critical thought; role of political scientists.

I. Что за кризис?

Кризис в политической науке? Что еще за кризис?! Разве политическая наука не является прочно утвердившейся академической дисциплиной во всех плюралистических демократиях? Разве она не становится профессией даже в куда менее свободных обществах? Не существуют ли ассоциации политической науки в половине стран мира? Разве повсеместно не проходят политологические конференции? Не проводят ли политологи публичные дебаты во многих странах, причем зачастую с широким отражением в средствах массовой информации? Разве мало политологов выступают в качестве политических консультантов? Все это скорее свидетельствует об истории успеха, а не о кризисе!

Это всё так. Однако кризисы далеко не всегда легкоузнаваемы или драматичны. Надвигающиеся и долгое время остающиеся незаметными кризисы особенно опасны. Кризис возникает, когда нежелательные события объединяются в некую совокупность, хотя поначалу они были безвредны и не слишком связаны между собой. Таким образом заблуждения закрепляются как самоочевидности и направляют изменения в порочное русло. В итоге развивающаяся система может впасть в кризис или даже оказаться в тупике. Нечто подобное сегодня можно заметить в политической науке, хотя нет никаких проблем с материальными трудностями: мы не экономим на профессорах, не сокращаем исследовательские фонды и бюджеты конференций, занимаемся развитием профессии в менее свободных государствах. Эти трудности обусловлены внутренними проблемами политической науки.

Но можно ли в действительности назвать происходящее кризисом? Необходимо определить критерии для оценки такой ситуации. Возможно, следующие размышления могут послужить некоторому общему представлению о сложившихся обстоятельствах.

II. Вызовы политологам и их ответный долг

Западная политическая наука возникла во времена Платона и Аристотеля, во времена кризиса греческого полиса, который гордился гражданским правом на участие свободных людей, и была порождена этим кризисом. По существу, и азиатский аналог тому, что на Западе стало политологией, вырос из политического кризиса. Это было учение Конфуция и его учеников в ответ на распад имперских порядков династии Чжоу во времена Вёсен и Осеней, а затем Сражающихся царств. В обоих случаях речь шла о поиске политических решений для переделки становящихся неустойчивыми политических порядков в более основательные. Такие способы разрешения проблем можно выявить при помощи сравнительного наблюдения за существующим положением с учетом прошлых или изначальных альтернатив. В том смысле, чтобы суметь «изнутри» или «от оснований» целостно переосмыслить проблемы не только эмпирически, но прежде всего теоретически.

Критерием успеха политической науки, таким образом, станет ее способность получить качественно широкие и углубленные результаты, которые позволили бы ощутимо улучшить политическую практику. Однако коль скоро цепь последовательных взаимодействий между политическим познанием и практикой зачастую довольно длинна, требуется во всех ее звеньях как можно чаще доказывать «истории успеха» дисциплины. В то же время есть и мнение, что многие достигнутые учеными результаты исследований следует использовать для улучшения практики самой политики. Это подтверждают работы Августина и Фомы Аквинского, труды Никколо Макиавелли и Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо, Карла Маркса и Макса Вебера, а также теории Джона Роулза и Юргена Хабермаса. Сегодняшняя политическая наука, теоретически или эмпирически ориентированная, видит себя именно в этой традиции. Политология не может не реагировать на кризисы своего времени. Первым делом нужно показать, суще-

ствуют ли они в действительности. Если это так, то какова добавленная ценность, которую политическая наука способна создать на фоне повседневного понимания политики?

Кризисов, а значит, и потребности в их научном изучении, сегодня более чем достаточно. Они варьируются от распада государств во многих частях мира до растущей нестабильности международных отношений и бесконтрольности «новых войн», которые происходят уже не между государствами, а между вооруженными группировками. Они усугубляют расширяющийся разрыв в уровне благосостояния между бедными и богатыми вкупе с увеличением миграционных потоков с глобального Юга на глобальный Север, выливающихся в эскалацию конфронтации Ислама и Запада. Обостряется кризис западного государства всеобщего благосостояния, лишённого комфорта надежных границ. Растет привлекательность обещающих надежное правление диктатур как альтернативы западной плюралистической демократии. Маячит призрак идеальной модели глобальной государственности.

Все это ставит не только основательные практические задачи для политики, но и бросает серьезные интеллектуальные вызовы политической науке, обращает политическую науку прямо к ее основаниям. Эта дисциплина до сих пор была тесно связана прежде всего с западной теорией государства и государственной практикой, в то время как лидирующее положение в международном устройстве в настоящее время обретает Китай. Западные представления о регулировании *международных* отношений проигрывают не только из-за своей деятельной самонадеянности, но и потому, что ослабевает влияние самих западных государств на международные отношения, подорванное той же самонадеянностью. Кризис также трансформирует *внутригосударственное* понимание политической науки как «науки демократии и для демократии» в той мере, в какой «современное западное государство» осознается как исключительный культурный и исторический феномен, а не как «необходимый стандартный случай». Это изменение в самовосприятии политической науки распространяется и дальше, поскольку эмпирическая и теоретическая политическая наука существует даже в авторитарных диктатурах и полусвободных обществах и обеспечивает там власть практическими знаниями «о господстве» подобно тому, как политическая наука в XVII в. обеспечивала усиление княжеской власти и восходящий абсолютизм.

Каковы в такой ситуации требования к политической науке и задачи политолога? Их можно свести к четырем пунктам, по которым можно было бы судить о реальном положении дел в политической науке, а затем и о глубине кризиса. Во-первых, необходим *космополитизм*, а не западный этноцентризм, иными словами – аналитическое мышление, основанное не исключительно на западном политическом опыте, а принимающее во внимание проблемные ситуации, например, в Африке и Азии. Во-вторых, требуется принятие *исторического холизма* вместо исключительного интереса к проблематике настоящего, т.е. необходимы: взгляд на всю совокупность форм правления в человеческих обществах и его «грамматику»; контекстуализация современного анализа, основанного на знаниях о том, в какие общие вневременные образцы могут быть встроены происходящие процессы. В-третьих, нужна *критическая политическая наука*, а не сочувственное отношение к настоящему, т.е. дисциплина, которая подвергает сомнению самоочевидные особенности современной политической мысли, тем самым поощряя реформы и изучение новых путей. В-четвертых, необходима *практическая наука* о политике, т.е. наука должна делать адресатом собственных исследований не только круг политологов, она также должна искать контакт с политической практикой и влиять на нее – как когда-то, хотя и в совершенно других условиях, делали Аристотель и Конфуций.

Разумеется, есть много политологов, которые уже выполняют свою работу в космополитической и сравнительно исторической перспективе, которые стремятся к критическому и практическому отношению к политике своей страны и своему времени. Поскольку такие ученые, разумеется, в разной степени и в разных областях формируют практику политологии, эта дисциплина имеет хорошую перспективу. Но там, где все эти четыре требования не выполняются, мы можем констатировать развитие кризиса.

III. Кризисные симптомы политической науки

1. *Сциентистская рутинa вместо практической науки*

Та самая «поведенческая революция», которая после Второй мировой войны изменила (хотя и с задержкой в некоторых стра-

нах) всю политическую науку, привнесла с собой триумф действительно научного анализа политических институтов, процессов и их наполнения. Ключевой принцип заключался в том, что не существует логических различий с точки зрения проведения исследования между естественными, социальными и гуманитарными науками и что в лучшем случае те или иные методы сбора и анализа данных отличаются друг от друга лишь в зависимости от выбора предмета исследования. Тот факт, что этот принцип в дальнейшем стал распространяться на учебники и учебные программы, научные исследования и издательскую практику, воспринимался положительно. Представляется также правильным, что социально-научное учение о методах стало обязательной дисциплиной в рамках учебных программ по специальности «Политическая наука».

Наряду с традиционным взглядом на политическую науку как *мастерство*, которое постигается посредством обучения философии, юриспруденции и истории, и как *искусство* заниматься практическими политическими проблемами появилось представление о политической науке как о *ремесле*, постигаемом в соответствии с надежными процедурными правилами. Этот образ стал преобладающим и превратил политологию в нормальную дисциплину в рамках общественных наук. С тех пор она включала в себя теоретическую работу и как следствие – построение гипотез, тщательное составление выборки и исследуемых случаев, методологически обоснованный сбор и анализ данных, который больше не работает исключительно со средствами классической герменевтики, но также использует статистические данные и математическое моделирование. Кроме того, научные статьи по политической науке обрели четкую структуру: исследовательский вопрос, степень разработанности проблемы, выбор метода, представление результатов, интерпретация данных, выводы с точки зрения дальнейшего изучения и практики. Нет ничего ошибочного и вызывающего критику в такого рода «сциентизме».

Однако некоторые победы приносят и проблемы, если победитель сначала становится самоуверенным, а затем отказывается учиться. Такова была судьба политологического сциентизма везде, где он превратился в рутину и стал тривиальным. Последний наиболее отчетливо заметен в статьях, представленных в специализированных журналах. Довольно часто из высокоабстрактных теорий берутся гипотезы, выведенные лишь для того, чтобы их операцио-

нализировали и протестировали (видимо, для демонстрации соответствующих методологических возможностей). Эти гипотезы при этом зачастую выдвигаются без учета их научной или даже политической значимости. Например, предполагается, что в силу максимизации полезности единомышленники в парламенте (правда, при условиях X и Y) будут объединяться во фракции и таким образом достигать коллективных решений. Это утверждение проверяется на основании данных парламентского голосования, и в итоге мы получаем доказательство того, что каждый политический обозреватель и так знает: главным образом при парламентской форме правления парламентарии практикуют фракционную дисциплину! По сути дела, здесь заново получены давно проверенные повседневные знания, которыми владеют политики-практики. Иногда даже кажется, что некоторые авторы практикуют политологию, не будучи наделенными политологическим «музыкальным слухом», т.е. не имея интуитивного базового понимания своего предмета. Такие тексты затем приводят к «политической науке без политики», которая так же бессмысленна, как музыковедение без музыки. Конечно, нет ничего смертельного в том, чтобы «научно доказывать» уже известные вещи или объяснять их по-новому. Но большая часть исследовательской энергии тратится впустую, если при этом выявлено слишком мало чего-то действительно нового.

Шансы для достижения научного прогресса путем открытия нового значительно сокращаются, когда (и такое поведение часто представляют подрастающему поколению политических ученых в качестве само собой разумеющегося) осторожная дальнейшая проработка уже известных теорий заменяет собой смелые предположения, которые часто требуют смелости даже для их формулировки, не говоря уже о готовности подвергнуть их впоследствии тщательной проверке. Научный прогресс также не происходит, если искать эмпирические казусы, которые приводятся для демонстрации публикационной и профессиональной пригодности или наличия навыков и компетенций по теоретизированию, моделированию и статистике. Научный прогресс также не достигается, когда молодые ученые должны заботиться больше о приспособлении к установленным формам мышления и соответствующим возможностям публикации, вместо того чтобы находить академическую среду, в которой они получают отклик на готовность к анализу постоянно возникающих политических проблем и их возможных решений.

Тем не менее для нового зачастую может еще не существовать «проверенной теории», а для его анализа, возможно, совсем нет никакого «проверенного исследовательского подхода». Количественное исследование, как «жемчужина политологического scientизма», не всегда возможно. Часто более уместен качественный подход, особенно если это касается выработки новых теорий, основанных на выявленных объективных фактах. Однако на репутационной шкале политической науки качественным исследованиям зачастую отводится место в самом низу, что в итоге создает невыгодные стимулы. В учебных программах полноценное образование вряд ли возможно, если обучать лишь количественным методам. Ощущается нехватка преподавания качественных методов исследования и обучения молодых ученых соответствующим навыкам. Заявление об использовании качественных методов зачастую воспринимается как привилегия, заключающаяся в возможности не соблюдать строгие научные правила. Некоторые воспринимают «качественное исследование» как применение интуитивной практики по принципу «сделай сам».

Кроме того, совершенно неверно ведут себя редакции политологических журналов и аттестационные комиссии. Зачастую ставка делается именно на конвенциональность, общепринятость. Приращение знаний относительно уже известного представляется более безопасным для академической репутации, чем открытие нового или даже комбинация далеко разбросанных исследовательских паззлов, что способно привести к новому образу или новому восприятию контекста. Во всяком случае, не стоит удивляться, что политологи, которые видят свою главную задачу в производстве мелкомасштабных «трудов» на второстепенную тематику, ограждают себя от интеллектуального дискомфорта прикладных политических вопросов, защищая свое узкоспециализированное.

К сожалению, к узкому исследовательскому горизонту приучают уже во время учебы. То, что начинается как изучение отдельных «образцов» без каких-либо претензий на аналитическое обобщение, зачастую продолжается как стремление к «специализации», причем еще до получения первой академической степени. Также поощряется, если бакалаврские и магистерские программы стремятся выработать такой образовательный подход, который ведет к тому, что специализированное содержание будет пересекать дисциплинарные границы. В итоге один становится специа-

листом по «европейским исследованиям», а другой – специалистом в области «администрирования». Однако лишь немногие становятся политическими учеными, которые понимают масштаб того, что действительно играет роль в политической деятельности или в функционировании институтов, т.е. то, что действительно значимо для преодоления аналитических и практических недостатков. Конечно, трансдисциплинарность и синергия нескольких дисциплин представляют важность, особенно когда речь идет о решении практических проблем. Однако невозможно представить, чтобы один ученый мог быть вполне компетентным более чем в двух или трех дисциплинах и иметь базовое понимание о подходах и результатах исследований всех других дисциплин. Предпосылкой транс- и междисциплинарности считается поэтому дисциплинарное (предметное) образование. Для политической науки это представляется особенно правильным, так как считают, что именно благодаря сциентизму она стала чем-то большим, чем «междисциплинарный» подход к политике, просто объединяющий точки зрения права, истории и философии. Продолжение такого подхода (что в настоящее время считается правильным) к «междисциплинарным учебным программам» может привести в скором времени к кризису политической науки по части отбора талантливых молодых ученых и их дисциплинарного самоопределения.

Только особые формы проблемного взаимодействия, где, с одной стороны, специализация, а с другой стороны, «междисциплинарность», представляют собой актуальный путь развития. Например, если предмет «Международные отношения» делают полностью самостоятельным и убирают из его учебной программы все, что связано с политической наукой, то это выглядит так, как если бы международные отношения считали стабильным объектом исследования без учета влияющих на их структуру воздействий государств и их функциональных эквивалентов. Существует и разделение между политической теорией и эмпирической политической наукой. При этом, с одной стороны, в области политической теории часто уклоняются от эмпирического обязательства проверять свои утверждения, заявляя: «Это только теория!», а с другой стороны, довольствуются иллюстрацией отдельных случаев, снимая с себя обязанности провести исследование в соответствии со строгими методологическими стандартами, заявляя: «Это всего лишь качественное исследование!» И возникает тенденция искать

важные проблемы политической науки в «дискурсах», которые благодаря их письменной форме гораздо легче понять и проанализировать, чем те социальные процессы, которые только отражаются в политических дискурсах, но не исчерпываются ими.

Усиление сциентизма в политической науке приводит и к разграничению роли ученого и гражданина. Для Платона и Конфуция было само собой разумеющимся использование такого стиля мышления, который включался в формирование сообщества и выходил за рамки просто политического мнения. С Макиавелли было то же самое. Он сильно страдал от невозможности перевести свои аналитические идеи (полученные как из современной ему, так и из римской истории) в некоторую сформированную им политическую практику. Безусловно, для появления столь желанной эмпирической науки о политике было полезно и даже необходимо понимание, что оценочные суждения о «должном» (*das Sollen*) никогда не смогут заменить знания о «сущем» (*das Sein*). Оценочные суждения в исследованиях не приводят к хорошему результату, потому что только сотрудничая и споря по сложным проблемам в рамках реальной совместной работы можно получить полезный результат. Но всё же из спроса на важную для политической науки свободу выражать оценочные суждения часто вытекает утверждение, что политологу позволительно излагать свои политические взгляды даже в том случае, когда он не может обосновать их научно «как правильные». Действительно, почему тот, кто более осведомлен с точки зрения политического содержания, процессов и структур, чем многие сограждане, со всеми своими знаниями в области политических наук, не должен участвовать в политических дебатах?

В сущности, сциентизм делает политическую науку стерильной, когда ставит знак равенства между отказом от оценочных суждений в процессе научного исследования и принципиальной обязанностью политологов отказаться от политического позиционирования. В конечном итоге это будет означать, что политолог должен стать «политическим евнухом»: либо прекратить свою политическую деятельность, либо, оставаясь в ней, не использовать свои специализированные навыки в области политологии. Однако первое приводит только к тому, что политическая наука вовлекается в политическую безответственность и ищет себя где-то между политическим наемничеством и аполитичным отрешением от всего

мира, а второе просто неустойчиво на практике, что приводит в лучшем случае к притворству или лицемерию.

2. Желание понравиться вместо критики системы и идеологии

Представляется желательным не только понять, но и из хороших побуждений принять тот факт, что политологи в диктаторских или полусвободных обществах стремятся оберегать свой подверженный опасности предмет (дисциплину) и даже свою собственную безопасность, осторожно избегая политических споров и вызовов власть имущим. В конце концов, свобода, здоровье и жизнь первостепеннее, чем свобода науки или стремление к самопознанию, иными словами – удовольствие от оригинального мышления и политической аргументации. Но в плюралистических демократиях нет оснований для такого плоского восприятия и отношения, однако даже там политические ученые не лишены политического оппортунизма. Нередко случается, что политологи следуют преобладающим политическим способам мышления и аргументации или, по крайней мере, стараются им не противоречить. Мотив заключается не в том, чтобы не задеть и не вызвать у кого-то неудовольствие, а чтобы обеспечить дружеские аплодисменты от тех, кто задал тон, особенно в тематических статьях и специализированных журналах. Это «позитивное» поведение, которое укрепляет существующие условия и уже запущенные политические дискурсы.

В этом нет ничего дурного до тех пор, пока существующие условия хороши, а соответствующие дискурсы рационально подкреплены и ориентированы на факты. Поэтому, если политологи положительно относятся к плюралистическим демократиям и их либеральным фундаментальным порядкам, это похвально. Только не существует «закона природы», что с точки зрения содержания или долгосрочной перспективы развития свободного общества является правильным все то, что думают, говорят, желают и делают представители и защитники таких обществ. Также возможно, что среди них могут стать нормой определенные привычки мышления и поведенческие практики, которые, хотя и появились из благих намерений, все же не служат продолжению существования поли-

тической свободы. Сегодня это тот случай, когда именно ради демократии мы сошлемся на совет Вольтера о том, что можно решительно бороться с политической позицией другого человека, если ты с ней не согласен, гарантируя в то же время, что эта позиция будет представлена в политической дискуссии. Только такое отношение делает возможным плюрализм и демонстрирует его преимущества, а именно то, что из спора по поводу фактов, логики рассуждения и ценностных оценок можно лучше узнать о слабых сторонах собственной позиции, а затем улучшить их. Понятно, что плюрализм нуждается в минимальном консенсусе, потому что без него желаемая дискуссия быстро превращается в борьбу, а обсуждение перерастает в насилие. Однако достигнутый консенсус должен быть действительно минимален. В сущности, он не должен охватывать больше, чем уважение прав человека (в том числе права на отличное от других мнение); принцип ненасилия; взаимное соглашение о том, на какую площадку должен быть вынесен тот или иной спор: какой будет решаться в суде, какой в парламенте, а какой – на улице во время демонстрации.

Однако всё чаще можно наблюдать, что в университетах препятствуют выражению противоположных мнений при участии самих политических ученых. Они требуют, чтобы не допускались ранее приглашенные докладчики, срывают их лекции, мешают проведению подиумных дискуссий с участниками по чисто политическим мотивам. Под такое отношение подводят отдельные спорные проблемы или позиции, которые считаются «политически некорректными», иными словами, они отвергаются по этическим или интеллектуальным причинам и поэтому не допускаются к обсуждению на равных. При этом на предметы, в отношении которых дается оценка как «политически корректных» или «политически некорректных», не распространяют принципы минимального плюралистического консенсуса. Хотя и заявляют, что «политически неверно» ограничивать права человека, имеющего отличное мнение, применять насилие в споре или умышленное уклонение от правил, предписанных отдельно взятой площадке для разрешения спора. Однако некоторые конкретные политические позиции делятся на «правильные» и «неправильные», а отстаивание «правильных позиций» само по себе является предпосылкой к политическому конфликту. Такое отношение вызывает проблемы, когда политические ученые требуют выработать ограничения на допуск

к дискуссии ввиду политической компетенции и авторитета, вместо того чтобы защищать право каждого на несогласие и альтернативное мышление, что, в свою очередь, является предпосылкой политической науки. На самом деле, немало политических ученых считают, что людям с «политически некорректными» позициями нужно не только противостоять, но и отнимать у них любую площадку для распространения своих взглядов. В принципе, считается необходимым вообще исключить их и их мнение из политического дискурса.

Такое отношение еще можно в определенной степени понять, принимая во внимание вынесение за скобки по политическим причинам споров по поводу тех вопросов, которые основываются на фактах. Например, действительно ли Холокост имел место и сколько миллионов людей в нем погибло. И хотя задача не политики, а только науки отвечать на вопросы о фактах, вопрос о действительности и масштабах Холокоста (по крайней мере, в Германии) зачастую бывает тесно связан с вопросом о свободной системе правления в целом. Отстаивание последней, безусловно, является задачей политологов, которые хотят внести позитивный вклад в общественную дискуссию своей гражданской позицией. В какой-то мере изоляцию инакомыслящих еще можно понять также в спорах о понятиях, имеющих сильную политическую нагрузку. В политическом дискурсе они могут разлагать или дезорганизовывать политическую власть, например, обсуждениями вопросов о существовании различных человеческих «рас» или «является ли отдельно взятое государство диктатурой». Здесь также стоит согласиться, что именно гражданские устремления политолога могут побудить его к попыткам одолеть инакомыслящего не с помощью аргументации, а путем исключения его из дискурса.

Однако в случае спорных вопросов, которые полностью подчиняются свободе выражения мнений, такое отношение не может быть понято так же легко. В качестве таких вопросов можно выделить, например, следующие: может ли миграция создавать проблемы для принимающего общества, и в частности: каково должно быть число мигрантов за один квартал или какие культурные различия и проблемы есть между мигрантами и людьми, уже долгое время проживающими в стране, какие формы и масштабы примут эти проблемы? Кроме того, это касается тех тем, в которых политическая наука может сделать важный вклад в объективацию

подобного рода дебатов. Большое влияние оказывают факты, вероятностные оценки и ценностные приоритеты с ориентацией на определенные интересы. Тем самым предоставляется возможность для научного разъяснения того, что действительно будет иметь место, или того, на что можно надеяться. Тем не менее именно в вопросах подобного рода наблюдается тенденция, когда политические ученые ориентируются на те позиции, которые в настоящее время преобладают в политике и общественном мнении. За правило поведения берется принцип: по возможности никому не перечить, не получать аплодисментов от «неправильной стороны», не рисковать, чтобы не выделяться. Однако такая оппортунистическая практика затягивает политическую науку далеко в сферу влияния культурной гегемонии и подчиняет ее доминирующим чисто политическим взаимосвязям. В случае, если исследовательская деятельность в области политических наук напрямую зависит от государственных (т.е. политически подконтрольных) субсидий, можно наблюдать, как финансовая сторона дела пронизывает поведение политической науки. В таких условиях политологи мало чем могут помочь по части урегулирования политических кризисов. Скорее, они становятся политическими и научными авторитетами, которые утверждают, что защитники тех, кто своими действиями вызвал те или иные кризисные явления, дают повод для нежелательной критики политической системы как «политически неправильной».

С таким приспособленческим отношением к системе и политике политическая наука становится покорной служанкой правящего политического класса. Это можно понять в диктаторских режимах; в плюралистических демократиях, однако, это поражает и вызывает недоумение. Наиболее подходящая задача для политической науки здесь – критика системы. Это означает: нужно задаваться вопросом о существующем (порядке), обнаруживать его слабые стороны, давать оценку конкретному политическому порядку и проводимой в его рамках политике на основании прозрачных и открыто обсуждаемых стандартов оценки, чтобы, в конечном счете, конкретные предложения по реформе могли быть рассмотрены с некоторой вероятностью на успех.

В 1960–1970-е годы, когда (нео)марксизм переживал ренессанс в политической науке, для многих коллег было почти само собой разумеющимся принимать исключительно критическое, а не

поддерживающее отношение к существующему экономическому, общественному и государственному устройству. Вероятно, во многом это было связано с тем, что тогда марксизм, отвергающий капитализм, был на волне популярности, а в соответствии с ним, чтобы быть критичным, не требовалось что-либо обосновывать. Между тем критически настроенное тогда поколение заняло ведущие позиции в обществе, политике и экономике и привело на влиятельные посты последователей, сформированных по их же образу и подобию. Достигшие тем самым своего культурного и руководящего положения лидеры, возможно, переживают, что критика системы (на сей раз прежде всего со стороны правых пулистов) направлена против нее самой и ее политического наследия. Несомненно, в таких обстоятельствах прежнее удовольствие критиковать уступает место желанию сочувствовать всему тому, в создании чего сам принимал участие. Это ничем не отличается от поведения всех бывших, некогда могущественных, а затем почувствовавших закат своей эпохи, поколений. Словом, это вполне понятно, когда вместе со сменой политических поколений и сами политологи начинают колебаться между гражданской критикой и сочувствием.

Однако это далеко не первостепенная задача политологов – дрейфовать на таких волнах политико-культурной диалектики. Скорее критика в выше очерченном смысле является профессиональной долгосрочной задачей. Она проявляется не только как критика системы, но и как критика идеологии. Это подразумевает критику современного господствующего образа мысли, который направляет в определенное русло любую возможную политическую практику. Ведь для критической политологии постоянно необходима и критическая рефлексия по поводу особой перспективности, избирательности и нормативности собственного политического мышления. Критика, которая относится к личному политическому мышлению «с сочувствием», в принципе представляет собой не больше, чем экспрессивное желание. Это желание политолог может практиковать в роли гражданина страны, однако это оставит его позади всего того, что он как политолог мог бы сделать.

Чтобы предложить действительно полезную критику системы и идеологии, политическому ученому нужно выработать довольно твердую позицию, которая будет (насколько это возможно) независимой от специфической для конкретного времени полити-

ческой и дискурсивной моды. «Нормативная политология» (т.е. научная выжимка из политики, строящаяся на рациональном объяснении оценочных суждений) предлагает здесь предпосылки для оценочных суждений, помогающих политологу выйти за пределы того уровня суждений, которого уже не хватает в политическом повседневном дискурсе. В сущности, до Макиавелли политология в целом была такой нормативной наукой, при Аристотеле – наукой о «хорошей жизни» (благе), которую можно достичь через правильную политику. Но и Макиавелли формулировал оценочные суждения, даже если он относил их к эффективности политических мер: хорошо всё то, что позволяет достичь желаемой цели. Для политологов-марксистов «нормативное» тоже не было проблемой: «Политически было хорошо то, что возникло из партийной солидарности с целью освобождения от ненужного, особенно тисков капитализма». А для консервативного политолога Лео Штрауса релятивистская, либеральная политология, которая не ставила «должное» в центр политической мысли, была бессмыслицей.

Однако в понимании того, что из сущего может проистекать должное (во всяком случае, в чисто техническом, а не в этическом и, следовательно, политическом смысле), нельзя обращаться лишь к доводам разума. Поэтому *классическая* нормативная политическая наука уже невозможна. Но если бы политическая наука решила покончить с бывшей ролью «ориентирующей науки», которая обосновывала свою практическую ценность надежной постановкой норм и целей, то это была бы цена, которую нужно было бы заплатить за прорыв в научном исследовании политики. Однако еще не понятно, будет ли эта цена действительно заплачена. Скорее всего, нормативная политология будет основываться на новых принципах. И то, что на сегодня здесь имеется только программа, а не практика, также способствует кризису политической науки.

С одной стороны, на данный момент было бы лучше, если бы политическая наука исходила из эмпирически-антропологических, а именно: социально-биологических и эволюционно-психологических оснований. В этом случае такие понятия, как «нравственная интуиция», приобрели бы прочный эмпирический смысл, который вышел бы далеко за рамки статуса «философской концепции». То, что пытались измерить (понять) такие классики, как Аристотель или Гоббс, в своих размышлениях о «природе человека» путем сравнения небольшого количества наблюдений, а также сложных рассуж-

дений, уже давно можно объяснить эмпирически с точки зрения науки, хотя исследования всё еще далеки от полного осуществления этих познавательных интересов. Однако теперь ясно, что «моральное априорное знание» на индивидуальном уровне существует так же, как и «гносеологическое априорное знание», и оно является при этом *онтогенетическим* априорным знанием для отдельно взятого человека, но *филогенетически* оно является апостериорным (знанием, основанным на опыте), т.е. представляет собой результаты миллионов лет эволюции нашего вида. Осознание этого не отменяет никаких моральных или политических решений, так же как и знание эпистемологических априори не освобождает нас от выбора между конкурирующими теориями или методами исследования. Тем не менее ключевой интуитивный принцип классической нормативной политической науки, что не все нормы чисто произвольны, если впоследствии формируется «хорошая жизнь» или, по крайней мере, устойчивое развитие, по-видимому, подтверждается эмпирически.

С другой стороны, можно легко заметить логическую структуру оценочных суждений в политической науке, которая к этому стремится. Но это позволяет принимать меры по улучшению практики оценочных суждений. По существу, оценивание состоит из трех элементов.

Во-первых, существует свидетельство об оцениваемом объекте, а именно о его существовании и его свойствах. Такое свидетельство может быть чем-то, находящимся между эмпирически подтвержденным (истинным) и эмпирически опровергнутым (ложным). Во всяком случае, оно должно быть конкретизировано путем проведения научной работы до тех пор, пока оно действительно не совпадет с фактами, т.е. пока не станет истинным с эмпирической точки зрения. В противном случае оценка просто не достигнет результата, поскольку она будет относиться к несуществующему положению дел, которое не существует или основывается только на оценочном суждении.

Во-вторых, существуют критерии оценки, например, нормативной теории, в которой говорится, какое действие хорошо, а какое плохо. Такими теориями были бы теория справедливости Джона Ролза или утилитарные размышления Джереми Бентама. Конечно, убеждение может быть доказано, т.е. эмпирически может быть как истиной, так и ложью. И хотя нормативная теория может быть логически безошибочной, она также может быть эмпирически ни

истинной, ни ложной, потому что нет перехода между «сущим» и «должным». Во всяком случае, она может и должна быть по логике причинно-следственных связей «нормативно полезной», т.е. при исполнении того, что должно быть сделано, проявить именно те эффекты, которые она представляет в качестве «благоприятных». Таким образом, критерии оценки всегда могут быть включены в оценку только в результате принятия решения, а не эмпирического исследования. Поэтому выбор критерия оценивания всегда является спорным и обычно не безальтернативным. Здесь, следовательно, мы неизбежно покидаем сферу ответственности сциентизма.

В-третьих, подлежащие оценке факты и выбранный критерий оценки объединяются в оценочное суждение на том основании, что, подчиняясь требованию логической корректности, приводится аргументация того, в каком качестве оцениваемое положение дел выделяется в свете используемого критерия, а именно: как (скорее) хорошее или как (скорее) плохое. Оценка имеет очень сложную структуру, которую маскирует наша легкость при выражении оценочных суждений, но также указывает на то, что они находятся под определенным рациональным контролем. Это, в свою очередь, неблагоприятно для политической практики, потому что, с одной стороны, она во многом формируется оценочными суждениями в очень специфическом масштабе, но, с другой стороны, эти оценочные суждения часто бывают ошибочными. Что-то выбранное в рамках общественного развития как объект оценивания может быть взято ошибочно или в неполной мере; используемый критерий оценки может быть нормативно бесполезным или может быть подобран чисто интуитивно (на основании ощущений), а аргументация, лежащая в основе критерия оценки и объекта исследования, может оказаться логической ошибкой.

Таким образом, практика нормативной политической науки означает следующее: имеются практически полезные и нормативно применимые критерии оценки; значимые с практической точки зрения политические оценочные суждения принимаются на основании таких – вполне альтернативных – критериев оценивания и вводятся в политическую дискуссию; используемые в политическом дискурсе оценочные суждения подвергаются проверке на наличие вышеуказанных ошибок и при необходимости дорабатываются. С помощью всех этих достижений политическая наука сделала бы очень важный *критический* и при этом *конструктив-*

ный вклад в такие дискурсы, которые касаются нынешней политической практики. Она же страдает от того, что политическая наука ввиду неразвитости ее нормативной составляющей в направлении эмпирической политической науки не может сделать этот вклад заслуживающим доверия. При постановке политических целей это часто приводит либо к волонтаризму, либо к оппортунизму – и демонстрирует политикам, что при принятии сложных политических решений им не стоит ожидать от политической науки чего-то, что может указать путь. За этим нередко следует демонстрация презрительного отношения к политической науке со стороны тех практиков, за которых также, в свою очередь, часто бывает стыдно.

Альтернативой становится так называемый политический акционизм политических ученых в партиях, ассоциациях и фондах, при котором ежедневно оглашаются политические позиции в средствах массовой информации, в интервью и комментариях. Ведут свою деятельность и политические консультанты, основываясь на политических предпочтениях или, в худшем случае, на оппортунизме. Это очевидно не самое лучшее представление политической практики. В отличие от эмпирического знания эти оценочные суждения и наставления не прорабатываются систематически и не тестируются на основе строгих критериев качества. Таким образом, политика лишается большей части «критических знаний об устройстве порядка», в которых политическая деятельность, несомненно, нуждается. В сущности, становится ясно, что исследовательская область классической нормативной политической науки еще не раскрыла потенциал далеко обогнавшей ее эмпирической политической науки. Однако тот, от кого профессия требует бежать, в то время как он пока не способен ходить на двух одинаково длинных ногах, может, вероятно, впасть в кризис: сначала в кризис своей работоспособности, а затем и в кризис профессии в целом.

3. Зацикливание на настоящем вместо исторического холизма

Политика существует с тех времен, как люди живут вместе в сложных общественных организациях. До момента появления передовых цивилизаций, государств и структур у них были предшественники. Однако врожденные физические свойства и эмоции,

познавательные способности и нравственные устои сегодняшних людей, похоже, остались неизменными в течение сотен тысяч лет эволюции. То же самое можно сказать и о многих проблемах, которые могут быть решены благодаря политике: рутинное обеспечение кооперации и случайное возникновение коллективных действий; приобретение и распределение продуктов питания или товаров для ежедневного использования; организация и разделение труда; защита от злоупотребления ресурсами; создание и поддержание институтов; защита против врагов; связь бытовой жизни через социальную организацию с религиозностью; обеспечение легитимности власти господства.

В разные времена на разных территориях объем знаний варьируется. Предыдущие проблемы решаются, новые возникают, — так меняется наша действительность. Аналогичным образом, в зависимости от географических и геополитических обстоятельств, общество или политическая система во всех странах обладают отличными друг от друга свойствами. Кроме того, недетерминированная трансформация этих взаимодействий в уже сформированный порядок всегда приводит к созданию конкретных способов регулирования власти, к определенным институциональным формациям. Каждый существующий политический процесс, структура сходны с человеческими языками, происхождение и развитие которых столь же непредсказуемы. Однако, как только язык становится известным, обычно можно узнать, какие правила следуют за формированием конкретных предложений, как формируются грамматика и синтаксис, которые ограничивают случайность при формировании предложений.

Аналогичным образом, изучая документально подтвержденную историю политической деятельности человека и формирование политической структуры и инструментов контроля, можно увидеть, какие «языки» или «грамматики» были созданы, т.е. как создать порядок при большом разнообразии повседневной политики и повседневной истории. Однако здесь требуется широкий взгляд на историю политики. Для достижения исторического холизма в политико-аналитическом представлении требования для политологов следующие: обширное историческое образование, а также владение теоретическими инструментами, которые повышают устойчивость результатов, несмотря на меняющиеся детали «histoire

événementielle»¹ (Фернан Бродель). Нужно понимание, что предмет политической науки должен быть не просто современной политикой, и тем более он не может быть ограничен в узком смысле политикой своей собственной страны. Скорее политическая наука, стремящаяся использовать свои аналитические возможности, должна учитывать совокупность всех проявлений политического содержания, процессов и структур *в прошлом и настоящем*. Если этого не сделать, а смотреть только на «интересные отдельные случаи», то их сложно интерпретировать. Велика вероятность, что что-то подобное уже происходило. Необходимо выявить общие черты политического, в этом случае вы получите политико-научные знания. Таким образом, политическая наука должна использоваться не только в сравнительной, но и в *историко-сравнительной* перспективе.

В то время как современная политологическая компаративистика является хорошо упорядоченной областью исследований, она совершенно отличается от историко-сравнительной политологии. Большинство политологов выбирают настоящее, с короткой историей или без нее, как свою реальную, даже единственную область работы. Всё остальное обычно оставляют историкам. Это звучит разумно тогда, когда речь идет о научном исследовании источников, т.е. о собственно исторических исследованиях. В то же время гораздо менее разумно исключать вторичный анализ или метаанализ исторических исследований из области политологии. Во всяком случае, это представляло бы явный разрыв с традицией в классической политической науке, которая была тесно связана с историческими взглядами. Для таких исследователей, как Макс Вебер или Эрик Фёгелин, вполне естественно сравнивать прошлые политические формы порядка с современными политическими системами. Новейший исторический институционализм в стиле Баррингтона Мура или Чарльза Тилли продолжил этот подход. Однако исследования, сосредоточенные на больших масштабах и основанные на исторических синтезах, такие как многотомная «История правительства» С.Е. Файнера, по-прежнему представляют собой исключительные достижения политической науки, основанной на исторических материалах. Пока это не изменится, наука

---

¹ История событий (фр.) – один из уровней рассмотрения действительности наряду с историей повседневности и с большой длительностью (*longue durée*).

о политике не сможет распознать «грамматику» и «синтаксис» политического и вряд ли сможет отличить новый тренд от повторяющихся «политических сценариев».

Теории истории, которые должны были извлечь текущую полезную информацию из того, что уже произошло, были довольно многочисленными. Они варьируются от «теории конституционных циклов» у Аристотеля и Полибия до социального дарвинизма у Герберта Спенсера и до непосредственно исторической теории исторического материализма. Все попытки политически понять будущее и, следовательно, придать событиям политическое значение ожидаемо потерпели неудачу: во-первых, исторические процессы не предопределены, а во-вторых, отсутствует предсказуемость нетривиальных и не краткосрочных политических событий. Возможность исторических пророчеств складывается из предсказуемости грамматики и синтаксиса языка говорящего. Однако такие прогнозы не являются даже лингвистикой, но невозможность предсказать будущие предложения никоим образом не мешает найти грамматику и синтаксис этого языка. Политология может извлечь из этого уроки. Нет никаких сомнений в том, что предпринимаемые попытки не смогли извлечь из исторического анализа информацию о политическом будущем. Но это не снижает когнитивную ценность исторического институционализма. Он позволяет лучше понять взаимосвязь между зависимостью исторического пути и трудностью предвидения посредством сравнительного исторического анализа; признать условия возможности возникновения «критических стечений обстоятельств» и в результате – получить идеи о политических пространствах возможностей. Тем более что для таких исследований было бы полезно понимание культурной и институциональной истории как эволюционного процесса в теоретическом значении этого термина (т.е. вариации, отбора, дифференциального удержания, динамики популяций и т.д.).

Не менее полезным было бы также использование морфологических концепций в историческом сравнительном системном анализе: гомология как сходство по общему происхождению, аналогия сходства, адаптация к тем же условиям окружающей среды, гомодинамика как подобие в силу тех же врожденных способностей. Но сегодняшняя политическая наука оставляет такие возможности в значительной степени неиспользованными и искренне боится быть наукой о политическом обрамлении настоящего и его

истории. Однако эта неуверенность постоянно всплывает, что особенно заметно, когда политики обращаются за советом к историкам, но не к политологам, обсуждая с ними, что следует сделать и как это отразится в ближней и дальней перспективе. Для политической науки с амбициями ее древних основателей такая реверсия должна быть сигналом кризиса.

4. Западный этноцентризм вместо аналитического космополитизма

Несомненно, политология по-прежнему остается наукой Запада, несмотря на институты политических наук и учебные программы на глобальном Юге. Кризис возникает из тех политических проблем, которые формируют сегодняшний «Запад»: индивидуализм против коллективизма, религия против политики, закон против суверенитета, свобода против государства. Ему подвержены идеи, в которых предстает эволюция «западного государства»: миротворчество, права человека, участие, демократия. Хотя было много отправных точек для появления отдельной науки политики как в китайской, так и в исламской культурной истории, сегодняшняя политическая наука появилась только на Западе. Помимо упадка Османской империи и Китая и мирового гегемонистского подъема Запада в конце XIX в., можно привести следующие причины этого: отсутствие традиции приоритета гражданского представительства по отношению к политической власти; отсутствие разделения религиозно-трансцендентного и чисто политического контекста; отсутствие идеи эмпирической науки, отличной от простого мастерства.

Не является парадоксом, что западный этноцентризм современной политической науки также в значительной степени способствует внедрению английского языка как международного научного языка. Использование английского языка сужает широту западного политического мышления и ориентирует его на разговор лишь с теми концепциями и утверждениями, которые соответствуют миру и представлению проблемы, уже семантически и синтаксически встроенному в английский язык. Этот специализированный язык, который также ограничен французскими, испанскими или немецкими размышлениями, становится узким местом, через которое дол-

жен проходить азиатский или африканский политический опыт. Большинство политологов работают в англосаксонских университетах, общение между экспертами проходит на английском языке, что сокращает горизонт интерпретации и объяснения политической науки в других языках.

В связи с этим неудивительно, что китайские идеи о дао, гармонии или существующие там обряды интересны для политологов, культурных антропологов или философов. Нечто подобное должно относиться и к политически важным концепциям исламских правовых школ. Таким образом, большая часть политического опыта отражается в незападных культурах, которые оторваны от того, что анализирует политический ученый. В этом случае рамки понимания западной политической науки накладываются на совершенно по-разному построенные в культурном смысле политические порядки.

Мы понимаем смысл политических структур через западную культуру. Именно Запад находился во главе мировой силовой пирамиды, строя и расширяя свою политическую науку. Европейские государства экспортировали свои институциональные формы в Северную и Южную Америку, политически реорганизовали Африку и Ближний Восток и свергли диктатуры в надежде на демократию, которая возникнет с их помощью, и сегодня призывают Россию и Китай сделать все возможное для продвижения их политических идей и установления порядка. В то же время западная политическая наука экспортировала свои концепции, теории и формулы дискурса для остального мира, пытаясь изменить систему и идеологически критическое мышление в других политических культурах. В настоящее время Запад всё более и более уменьшает свою регулируемую власть, в возникающие лакуны которой проникает, в особенности, Китай. С другой стороны, всё более предсказуемым становится то, что не только мусульманские интеллектуалы будут продолжать отвергать западное политическое мышление, но вскоре и их китайские коллеги начнут изживать западную политологию так же, как когда-то марксизм, а столетия назад – буддизм.

Перед лицом таких событий должны ли мы смириться с тем, что китайская политическая наука, претендующая на лингвистическое равенство, сталкивается с англоязычной западной политической наукой? Или было бы лучше начать с западной политической науки, пытаясь понять политическое мышление других культур и

интегрировать свои концепции самопознания и концептуальную карту в науку о политике для всех культур? Конечно, это было бы лучше, потому что тогда различные течения политической мысли могли бы объединиться. Это стало бы столь же плодотворным, как когда-то мысли о греческом полисе соединились с политическим мышлением римлян, основные идеи христианства соединились с варварским горизонтом мысли германских народов. Однако для того, чтобы политическая наука двигалась в этом направлении, сначала необходимо осознать, что ее дальнейшее развитие приведет к интеллектуальному тупику, если она останется только в нынешних «ветвях» западной мысли. Кризис в сосуществовании которые снова стали подчеркивать свои особенности после окончания западной гегемонии, сопровождается кризисом в самой науке, которая всегда хотела помочь его преодолеть. Мы не должны допустить этого, потому что необходимо взять курс на четыре охарактеризованных выше выхода из надвигающегося кризиса современной политической науки: мы должны использовать аналитический космополитизм, сделать предметом сравнительно-синтетических политических исследований всю историю форм политических порядков, улучшить наши возможности, разработав надежную системную и идеологическую критику, и поставить нашу рутинную научную деятельность на службу по-настоящему практической науке о политике.